

*Посвящается Энрико Косте, автору множества
романов, литературных и графических
произведений, исследователю архивов Сассари,
но прежде всего основателю благотворительной
ассоциации «Безрассудные сердца»*

Некоторые из описываемых на этих страницах событий вымышлены, другие произошли на самом деле: вы, как и я, можете прочесть о них на страницах различных газет, выходивших в Италии в последнее двадцатилетие XIX века. То же относится и к персонажам — как придуманным, так и реальным. Среди них вы также встретите кое-кого из моих предков, поколение прадедов, да и места на Сардинии, где разворачиваются действия, по большей части связаны с моими корнями. Нескольким реальным историческим персонажам я изменила имена, другим, как правило известным, оставила настоящие.

Но детали не так уж важны. Обстоятельства, в которых существуют люди, их чувства и вытекающие из этого поступки сходны повсюду и во все времена.

(Слово «сомнамбула» в свое время обозначало не ту женщину, что ходит или совершает различные действия во сне, а ту, что впадает в транс и предсказывает будущее, то есть медиума, экстрасенса.)

Пролог

АНДЖЕЛИКА

Всякий раз, заведя, как она старательно поправляет перед зеркалом в прихожей эту вышедшую из моды, неприятную, неброскую шляпку с узкими полями, без лент и кружев, зато с невероятно плотной вуалью, полностью скрывавшей лицо, адвокат Антонио Соро не мог удержаться от неодобрительного: «Опять!»

Не в его привычках было контролировать жену или расспрашивать, куда она собралась. Испытывая к ней должное уважение, доверие и почтение, Антонио считал, что она вправе самостоятельно распоряжаться своим временем и кругом знакомств. Равно как и себя считал хозяином собственной жизни. Он понимал, что подобное отношение не слишком распространено среди городских мужей, как не было типичным и поведение ее отца, пожелавшего в свое время дать дочери то же образование, какое получил бы наследник мужского пола.

Но шляпка, ох уж эта шляпка... Антонио не стоило труда догадаться, куда направляется его жена и почему предпочитает оставаться неузнанной.

«Я-то считал тебя здравомыслящей, Анджелика, — всякий раз с ноткой сарказма добавлял адвокат. — Ты такая образованная, такая рассудительная, всегда так скептически относишься к разного рода суевериям — а тратишь время и деньги на сеансы сомнамбулы!»

Простыни

В том, что здоровье ее с самого рождения оказалось хрупким, ни умысла, ни вины сомнамбулы не было. С раннего детства она страдала от непонятных приступов, причины которых, а тем более лекарства не смог отыскать ни один врач.

Первый из таких приступов случился, когда ей было всего четыре. Она играла во дворе родного дома в Виброне, рисовала мелом на каменных плитах, пока мать с теткой развешивали на веревках белье. Ветер в тот день был сильным, белоснежные простыни раздувались как паруса, и эта колышущаяся белизна вдруг ослепила ее. Запрокинув голову, малышка издала пронзительный крик, потом, тяжело дыша, рухнула навзничь, смертельно бледная: спина выгнута, тело застыло, словно у фарфоровой куклы. Чувств она в тот раз не лишилась и помнила, как бросились к ней мать и тетя, как смачивали водой виски, как звали ее по имени...

— Куда ты смотришь? — спрашивала перепуганная мать, видя, что детские широко распахнутые глаза не моргая вперились в пустоту.

— Что с тобой? Где болит? Отвечай же! Говори! — вторила тетя, тряся ее за плечи.

А она задрожала и произнесла единственное слово: «Боббо».

Потом разрыдалась, обмякла, позволила поднять себя и отнести на кровать, где мигом уснула. Когда через два часа приехал врач, она все еще спала. Никакого жара, кожа прохладная, щеки румяные, дыхание легкое.

Девочку разбудили. Она была безмятежна и ничего не помнила.

«Истерия? — нахмурился врач, выслушав рассказ обеих женщин. — У такой-то малышки? Навряд ли. А вот у матери с теткой — запросто...»

— Может, ее что-то напугало? — поинтересовался он. — Она ничего не говорила?

— Сказала «бо-бо», — ответила мать.

— Да нет же! Она сказала «Боббо», — возразила тетя. Боббо было домашним именем ее мужа Роберто, которое дала ему племянница, когда была еще совсем маленькой и не выговаривала «р».

— Ерунда какая-то! — отмахнулся врач. Но на всякий случай спросил девочку, не больно ли ей. Потом тщательно осмотрел все ее тело, изучил язык, заглянул под веки... и заключил: — Здоровее некуда!

Несколько месяцев у маленькой Офелии Росси (которую тогда звали иначе, но, поскольку настоящего имени мы на протяжении большей части истории не узнаем, то, чтобы не путать читателя, продолжим называть ее так) и впрямь не случалось приступов; она являла собой редкий пример абсолютного здоровья.

Спустя примерно год дядя Боббо оставил жену. Бросил ее в одночасье, без помощи и без гроша, объяснив в короткой записке, что у него связь с другой; признался, что вот уже несколько месяцев тайно с ней встречается, а теперь

наконец решил уйти, после чего исчез без следа. Тетка плакала, отчаивалась, кляла мужа. Однако никто в семье не связал его будущую измену ни с приступом, случившимся год назад, ни с названным именем, которым племянница будто бы привлекала внимание тети к тому, что ее ждет. Никто, выметая двор, не придавал значения тому, что малышка — еще не умея писать — нацарапала на каменной плитке одно слово: «Боббо».

К счастью, тетку приютила сестра, мать Офелии, и с тех пор та жила в семействе Росси, по возможности стараясь быть полезной и участвовать в воспитании девочки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОМНАМБУЛА

Синьорина Офелия Росси занималась своим ремеслом, или делом, или — как сама она предпочитала это называть, беседа с посторонними, в особенности с клиентками, — исполняла свою *миссию* сомнамбулы в квартире, занимавшей весь пятый этаж скромного здания по виа дель Фьоре Россо, узкому, извилистому проулку в самом центре лабиринта мощеных улочек старого центра Доноры. Это съемное гнездышко она выбрала вовсе не случайно, поскольку на других этажах того же дома, общим числом шесть, обитало несколько больших семейств, а также располагались мастерские модистки, сапожника и зубодера. На первом этаже, за складом в глубине двора, находилась еще мастерская бедного матрасника, где он не только работал, но и жил вместе с семьей.

Стоило даме, тайком явившейся по этому адресу, скрыться за дверью вестибюля — и уже никто не смог бы сказать, к кому именно она на самом деле направлялась. Клиентками сомнамбулы, разумеется, были исключительно *синьоры*, принадлежавшие к прекрасной половине зажиточной городской буржуазии: обитательницам трущоб, женам нищих крестьян, даже супругам скромных служащих или торговцев запрашиваемая плата в пять лир за сеанс была не по карману. В те годы в Доноре пять лир представлялись

суммой весьма значительной; в парфюмерной лавке синьора Фердинандо Марджелли на них можно было купить целых пять коробочек «Бриллиантины», чудодейственного средства, которое — как гласила реклама на последней странице местного «Вестника» — *не только превосходно отбеливает зубы, но и укрепляет десны, а дыханию, на зависть всем, придает приятный аромат*. Флакон «восточного» одеколona, каким пользовался его высочество правящий герцог Саксен-Мейнингенский, стоил в той же парфюмерной лавке от 1,25 до 4 лир, в зависимости от объема.

Эту информацию также можно было найти на странице «Вестника», посвященной рекламе, как, впрочем, и объявление самой синьорины Росси. Учитывая немалые расходы — *три публикации по 25 слов — ОДНА ЛИРА. Каждое следующее слово — пять центезимо*, во внимание также необходимо было принять размер букв и занимаемое на странице место, — она долго размышляла, что именно написать, и в итоге остановилась на такой формулировке, заключенной в квадратную черную рамку:

МАГНЕТИЗМ		
ДОНОРА	Виа дель Фьоре Россо №7, 5-й этаж	ДОНОРА
Знаменитая сомнамбула ОФЕЛИЯ РОССИ даст ответы на любые вопросы лично и в переписке. Ежедневно, кроме выходных, с 2 до 7 пополудни. Для консультации по переписке высылайте 5 лир почтой в конверте с подробно изложенным вопросом.		

Объявление обходилось в две лиры пятьдесят центезимо еженедельно, что сомнамбула, впрочем, считала удачной инвестицией. Помимо удовлетворения от того, что ее имя было выставлено на столь широкое обозрение, привлекая тем самым внимание потенциальных клиенток, газетная страница из воскресенья в воскресенье подсказывала ей, какие места — скажем, «Кафе дель Корсо», всегда полное ценителей *тонких вин, нежнейшего мороженого, лучшего кофе и изысканнейшей бомбы**, «Кафе Рома» на площади Анджои, где подавали газированный лимонад, или аптеку Галотти — следует посетить, чтобы собрать информацию, которая так пригодится в ходе бесед с клиентками. Помимо «Вестника», синьорина Росси покупала и читала другие газеты — как местные, так и центральные. Эта не свойственная женщинам привычка, еще в детстве перенятая у отца, теперь оказывалась для нее весьма полезной. Однако об этом сомнамбула предпочитала не распространяться. Клиентки должны были верить, что новости доходят до нее лишь благодаря магнетизму, так что газеты не лежали где попало по дому, а скрывались — вместе с роскошной «Энциклопедией», приобретенной ценою немалых жертв, — в недрах гардероба в спальне.

Как нетрудно заметить, свою *миссию* сомнамбулы синьорина Росси исполняла только во второй половине дня. Утренние часы она проводила дома за чтением хроники, сплетен и «Писем редактору» в свежих газетах,

* Бомба — многослойный десерт из мороженого и взбитых сливок в шоколаде, по форме напоминающий пушечное ядро. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

а в половине одиннадцатого, под предлогом каких-либо покупок и потребности в некоторой физической нагрузке, выходила пройтись, на самом же деле собирая слухи и сведения, абсолютно бесценные для той, кому предстоит, прозревая прошлое и будущее, давать клиенткам советы. Она была обходительна, любезна, умела каждый божий день придумать какую-нибудь невинную причину остановиться поболтать у привратничкой, в аптеке, в салоне телеграфа, на аллее городского парка, где прогуливаются няни самых заметных семейств города, или у рыночного прилавка, да так, чтобы никто не счел ее назойливой или, того хуже, сплетницей.

О ее личной жизни почти ничего не знали: была она вдовой или девицей, имела небольшую ренту или жила лишь на то, что приносили посещения клиенток? Об-разом жизни синьорина Росси не слишком отличалась от других представителей городского среднего сословия — ни излишеств, ни роскоши, однако же и без долгов или особых лишений. Эта миловидная шатенка лет тридцати одевалась со вкусом, не выходила из дома с непокрытой головой или без перчаток, а для дальних поездок, пускай и редких, нисколько не заботясь об экономии, брала из-возчика. Клиенток она принимала в изящно обставлен-ной гостиной, да и прочие комнаты, насколько можно было разглядеть, всегда содержались в чистоте и порядке усилиями прислуги средних лет, которая, будучи женой матрасника, мастера Прото Фигу, весьма кстати жила на первом этаже.

Едва приехав в Донору, сомнамбула принялась искать домоправительницу. Непременным условием, даже более

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru